

М. С. ГУЛЕВИЧ — ОГАРЕВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор публикуемого письма, Михаил Семенович *Гулевич*, он же *Зрачкос* (ум. в 1874 г.) — дворянин по сословной принадлежности, участник русского революционно-демократического движения шестидесятых годов, политический эмигрант. В конце пятидесятих годов Гулевич учился в Харьковском университете и был близок к революционному студенческому кружку Я. Н. Бекмана, М. Д. Муравского и других. В 1860 г., когда участники кружка были арестованы, Гулевич избежал ареста, так как причастность его к кружку осталась неизвестной следователям. Однако Гулевичу пришлось расстаться с Харьковским университетом. Полгода он странствовал по югу России, полгода провел в Москве, где посещал лекции в университете. В конце 1860 или в самом начале 1861 г. Гулевич переехал в Петербург и поступил вольнослушателем в университет, продолжая, как и в Москве, добывать себе средства к жизни преподаванием; между прочим, он был учителем сына А. П. Керн. «Он хорошая, честная, разумная натура», — записала Керн о Гулевиче в своем дневнике (А. П. Керн. Воспоминания. Л., 1929, стр. 379).

Недолго пришлось Гулевичу пробыть вольнослушателем Петербургского университета. Осенью 1861 г. произошли известные студенческие волнения, университет был закрыт, а студенты, принимавшие участие в сходках и демонстрациях, подверглись аресту. В числе арестованных оказался и Гулевич. Сперва он был заключен в Петропавловскую крепость (12 октября), а затем, по недостатку мест, переведен в один из казематов Кронштадта (17 октября). Без малого два месяца провел он, как и другие арестованные студенты, в заключении и лишь в конце года (6 декабря) был выпущен на волю; при этом ему угрожала высылка на родину, «где больной, старой матери нечего есть, где он ее содержал своими уроками в Петербурге!» (там же, стр. 383—384). Однако Гулевичу удалось найти себе поручителя, и благодаря этому он остался в столице.

Находясь в заключении, Гулевич сблизился с другими арестованными студентами и сделался заметной фигурой в студенческой среде. Когда его освободили, он был выбран членом комитета II отделения Литературного фонда, созданного официально для того, чтобы организовать помощь нуждающимся студентам, а неофициально — чтобы поддерживать связь между студентами закрытого в то время университета и обеспечить им возможность постоянных сношений друг с другом (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 221).

Весной 1862 г. в Петербурге происходила большая подготовительная работа по созданию тайного общества «Земля и воля». Гулевич сделался членом петербургского отделения общества. Он принадлежал к пятерке, возглавлявшейся Н. И. Утиным, товарищем его по заключению в Кронштадте. Известно, что Гулевич принимал некоторое участие в работе типографии, организованной тайным обществом, и поддерживал связь со своими революционно настроенными московскими знакомыми, вошедшими в состав московского отделения «Земли и воли». В 1863 г. некоторые из них были арестованы. Из показаний арестованных стало известно об их сношениях с Петербургом, в частности через Гулевича. У него был произведен обыск, причем «никакой предосудительной переписки не оказалось». Гулевич был оставлен на свободе. Когда же его вызвали на допрос, выяснилось, что после обыска Гулевич, занимавший в это время место

канцелярского служителя в Красносельской удельной конторе, «согласно прошения по болезни уволен в Крым, но к законному сроку не воротился, почему департаментом уделов уволен в отставку». Обнаружить местопребывание Гулевича жандармам не удалось.

Вероятно поездка в Крым была предпринята Гулевичем для того, чтобы через Черное море бежать за границу; это ему и удалось. Как и большинство тогдашних эмигрантов, Гулевич направился в Швейцарию. Он прибыл в Женеву в середине июля 1864 г. и встретился там с Н. И. Утиным (см. в настоящем томе письмо Н. И. Утина к Огареву от 25 июля 1864 г.). Гулевич принимал деятельное участие во всех предприятиях так называемой «молодой эмиграции». Был он знаком и с Герценом, детей которого одно время обучал (XX, 41).

Гулевич был не чужд литературе. В 1862 г., в связи с празднованием тысячелетия России, он написал сатирическую «Сказку о Митяях», не пропущенную в свое время цензурой, но получившую широкое распространение в рукописи («Сказка о Митяях» впервые была опубликована И. Н. Захарьиным (Якуниным) в № 11 «Исторического вестника» за 1901 г.; перепечатана в его же книге «Встречи и воспоминания». СПб., 1903, стр. 353—368).

Однако зарабатывать на жизнь литературным трудом за границей ему не удалось. Приходилось жить уроками и случайным незначительным заработком. К тому же Гулевич был больным человеком и, вследствие этого, часто оставался без работы. Тяжелые условия жизни заставили его в 1866 г. обратиться к царскому правительству с просьбой разрешить ему возвратиться в Россию. В этой просьбе Гулевичу было отказано (см. XVIII, 216—218). Однако об обращении его к царскому правительству стало известно эмигрантам, и они произвели расследование. Очевидно, при расследовании выяснилось, что жизнь в условиях эмиграции для этого больного и лишенного средств человека была действительно очень трудна. Из письма Герцена к Огареву от 3 августа 1868 г. видно, что эмигранты «простили» Гулевича (XXI, 34).

В течение нескольких лет после этого эпизода Гулевич влачил жизнь, полную лишений. 2 мая 1874 г. он покончил с собой, выбросившись из окна своей квартиры в припадке нервного расстройства.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 149-а).

25 июня (1865 г.)

Посылаю вам, Николай Платонович, полученное мною окончание дела об Андрущенко¹. В конце вы видите приписку, написанную пришедшим, — просит не печатать. Я думаю, что действительно следует подождать, во-первых, потому, что дело теперь затянулось — московский жандарм Воейков прислал в Питер новое донесение; во-вторых, потому, что напечатание дела *теперь* прямо укажет на переславшего. Его напечатать можно будет только тогда, когда оно перейдет к министру юстиции.

Я говорю про полное печатание дела; но об этом деле столько говорили в России, о нем так много знают, что, мне кажется, можно и должно напечатать *о нем*.

Засим желаю вам здоровья.

М. Гулевич

¹ Дело об Андрущенко, упоминаемое в настоящем письме, — записка, составленная властями на основании произведенного ими расследования о московских членах тайного общества «Земля и воля». Кроме И. А. Андрущенко (умер до суда, 6 сентября 1864 г.), к делу было привлечено еще тридцать семь человек; закончилось оно в 1866 г. судебным процессом, слушавшимся в сенате. Записка эта была составлена в 1864 г. в следственной комиссии по окончании следствия. Кем-то, при посредстве Гулевича, она была сообщена редакции «Колокола» и напечатана в листах 208—215 (с 15 ноября 1865 г. по 1 марта 1866 г.). Даты выхода этих листов «Колокола» позволяют установить, что публикуемое письмо написано в 1865 г. Как мы видим, редакция «Колокола» согласилась с пожеланием Гулевича — опубликовать записку позже, во избежание провала того лица, которое переслало ее Гулевичу.

ГРУППА АРЕСТОВАННЫХ СТУДЕНТОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КРОНШТАДТСКОЙ КАЗАРМЕ

Фотография, конец ноября 1864 г.

Изображены (слева направо, сидя): 1-й ряд—Ф. И. Коналшский, В. Егущевский, Я. Исарлов, М. С. Гулевич; 2-й ряд—Н. Я. Николардзе, П. Алхазов, Вис. Гогоберидзе, Г. Церетели (стоят); 1-й ряд—Ав. Челокаев, И. А. Поповский, Н. Фатуровский, Дав. Гогоберидзе, Эл. Дунельский, Кир. Лордцишадзе; 2-й ряд—караульные солдаты, офицер

Исторический музей, Москва